

Н.П. Загоскин

**Метод и средства
сравнительного изучения
древнейшего обычного права
славян вообще и русских в
особенности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н.П. Загоскин
Н11 Метод и средства сравнительного изучения древнейшего обычного права славян вообще и русских в особенности / Н.П. Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-5807-0

Метод и средства сравнительного изучения древнейшего обычного права славян вообще и русских в особенности.

ISBN 978-5-4241-5807-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

женіе, что права отдѣльныхъ народовъ, не смотря на видимый партикуляризмъ и на вездѣйствіе на нихъ неодинаковыхъ внѣшнихъ условий, должны тѣмъ не менѣе заключать въ себѣ до извѣстной степени общіе коренные принципы, которые могутъ быть указаны въ юридическомъ быту каждаго народа. Еще римскіе юристы сознавали то положеніе, что въ системѣ права существуютъ извѣстныя отношенія, являющіяся аналогичными у всѣхъ народовъ, — „quod natura omnia animalia docuit“ (Ульпіанъ), или „quod non opinio genuit, sed, quaedam innata vis insegit“ (Цицеронъ).

Впослѣдствіе времени болѣе выяснившееся сознаніе этого положенія, а въ особенности перенесеніе его на почву этической философіи, повело къ цѣлому искусственному построенію системы такъ называемаго *естественнаго права*, какъ такой совокупности правовыхъ отношеній и опредѣленій, которая, имѣя своимъ основаніемъ и исходною точкою нормальную, естественную и для всякой національности общую человѣческую природу, примѣнима къ быту каждаго отдѣльно взятаго народа. Нисколько не увлекаясь крайними, и нерѣдко искусственными, схоластическими выводами поборниковъ школы естественнаго права, — мы не можемъ тѣмъ не менѣе не согласиться съ тѣмъ нерѣдко рѣзко бросающимся въ глаза явленіемъ, что не только коренныя основы праваго быта, но весьма часто даже и самыя, болѣе или менѣе значительныя подробности его, представляются схожими, а подчасъ и тождественными у народовъ не представляющихъ между собою повидимому ничего общаго, значительно другъ отъ друга отдаленныхъ и прошедшихъ совершенно различныя стадіи историческаго бытія своего. Несравненно разительнѣе представляется подобнаго рода аналогія, а иногда и тождественность правъ — у народовъ стоящихъ на одинаковой ступени развитія и подвергающихся вліянію одинаковыхъ жизненныхъ условий.

Изъ указаннаго сходства многихъ правовыхъ институтовъ и опредѣленій, проявляющагося нерѣдко при параллельномъ наблюденіи юридическаго быта отдѣльныхъ народовъ, открывается широкая возможность введенія *сравнительнаго метода* въ изученіе исторіи права. Сравнительный методъ, который уже во многихъ отрасляхъ знанія привелъ къ самымъ плодотворнымъ результатамъ, является положительно неощеннымъ для историка-юриста. Сравнительный методъ изученія исторіи

права даетъ возможность правильнѣе понимать различныя явленія юридическаго быта каждаго отдѣльнаго народа, черезъ сравненіе ихъ съ подобными же явленіями юридическаго быта другихъ народовъ, стоящихъ въ сходныхъ условіяхъ физической и духовной жизни; подобное сравненіе является особенно полезнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное явленіе правоваго быта представляется не совсѣмъ яснымъ въ жизни изслѣдуемаго народа. Здѣсь изслѣдователю остается одинъ падежный исходъ—примѣненіе сравнительнаго метода изслѣдованія этого явленія. Здѣсь изслѣдователь долженъ обратиться къ исторіи права другихъ народовъ, находившихся въ данную эпоху въ тѣхъ-же или схожихъ условіяхъ жизни, въ какихъ находился и изслѣдуемый народъ, въ изслѣдованіи исторіи правовой жизни котораго встрѣтилось затрудненіе. Вѣроятность разрѣшенія послѣдняго основывается въ данномъ случаѣ на томъ предположеніи, что изслѣдуемое явленіе, коренясь и исходя отъ одной и той-же экономической потребности, должно отлиться и въ весьма близкія, если не тождественныя, формы у сравниваемыхъ народовъ, какъ скоро на развитіе его въ жизни послѣднихъ воздѣйствовали схожія условія быта. Само собою разумѣется, что работа въ подобномъ направленіи должна быть производима съ крайнею осторожностью и осмотрительностью, иначе, какъ показываютъ намъ это неоднократные примѣры, сравнительный методъ грозитъ привести плоды болѣе вредныя нежели полезныя, наводнивъ науку массою самыхъ неудачныхъ натяжекъ, предположеній, сонаставленій и неосновательныхъ выводовъ. По окончаніи сейчасъ лишь указаннаго процесса сравненія и по изключеніи изъ него извѣстныхъ выводовъ, нельзя еще считать дѣло законченнымъ; изслѣдователь долженъ подвергнуть полученные имъ выводы тщательной критикѣ, что-бы убѣдиться, согласны-ли они съ общимъ характеромъ развитія юридическаго быта изслѣдуемаго народа и съ позднѣйшимъ развитіемъ въ послѣдующія эпохи того правоваго явленія, которое дало поводъ къ затрудненію. Въ дальнѣйшемъ, болѣе обширномъ примѣненіи своемъ, сравнительный методъ можетъ привести, а отчасти уже и привелъ, къ открытію многихъ интересныхъ и крайне поучительныхъ законовъ развитія юридическихъ институтовъ и отношеній, взятыхъ въ самомъ существѣ своемъ, безъ отношенія къ какой либо особенной, исключительной народности.

Мы уже сказали что извѣстные правовые институты и отношенія, проистекая у всѣхъ народовъ изъ одного и того-же корня, изъ одной и той-же экономической потребности, весьма нерѣдко принимаютъ въ дѣйствительной жизни совершенно различные оттѣнки вслѣдствіе того именно, что на развитие ихъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ воздѣйствовали неодинакія условія быта и неодинакія внѣшнія вліянія. Здѣсь представляется для историка-юриста весьма обширное поле дѣятельности, здѣсь представляется возможность широкаго анализа условій и вліяній содѣйствовавшихъ развитію у извѣстнаго народа даннаго юридическаго института или отношенія именно въ такомъ, а не иномъ направленіи—а отсюда открывается дальнѣйшій путь къ изученію исторіи права во всемірно-историческомъ развитіи его.

До сихъ поръ говорили мы о примѣненіи сравнительнаго метода къ изслѣдованію исторіи права всякаго народа вообще, принимая народъ въ смыслѣ обособленной, отдѣльной единицы всего человѣчества. Но извѣстно что всякій народъ входитъ въ обще-человѣческой союзъ черезъ посредство высшей единицы человѣчества—*національнаго племени*, къ которому онъ относится какъ часть къ цѣлому, какъ семья къ роду. Уже изъ родственной связи существующей между народами, входящими въ кругъ одного національнаго племени, легко возникаетъ предположеніе, что какъ характеръ, склонности и языкъ ихъ являютъ признаки близкаго родства, такъ и правовое сознаніе, такъ и правовой бытъ ихъ должны являть въ себѣ болѣе или менѣе общія черты. Если подобнаго рода родственная связь юридическихъ воззрѣній одноплеменныхъ народовъ не можетъ быть во многихъ случаяхъ послѣдовательно подмѣчена въ эпоху болѣе отдаленную отъ той первоначальной эпохи, когда племя впервые распалось на вѣсколько отдѣльныхъ народовъ,—то несомнѣннымъ является то, что эта родственная связь обозначается для изслѣдователя все рельефнѣе и поразительнѣе по мѣрѣ того, какъ начнетъ онъ углубляться въ минувшіе вѣка исторической жизни соплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи исторія права выказываетъ полнѣйшее сходство съ исторіею языка: чѣмъ далѣе идетъ впередъ жизнь соплеменныхъ народовъ, тѣмъ болѣе видоизмѣняется по отношенію къ первоначальному типу и вслѣдствіе различныхъ причинъ и вліяній, какъ форма нарѣчій ихъ, такъ и форма

правового быта. Изъ сказаннаго видимъ, что родственность юридическаго сознанія и сходство правового быта, замѣчаемая у народовъ принадлежащихъ къ одному національному племени, должно отличать отъ тѣхъ нерѣдко схожихъ общихъ юридическихъ началъ, которыя подмѣчаются у народовъ и не родственныхъ между собою, но стоящихъ на близкихъ ступеняхъ развитія и въ болѣе или менѣе близкихъ бытовыхъ условіяхъ. Въ первомъ случаѣ сходство правовыхъ началъ является, если можно такъ выразиться, органическимъ, является результатомъ родства существующаго между единоплеменными народами, вслѣдствіе котораго и самый складъ духа и міросозерцанія родственныхъ народовъ складывается въ общемъ направленіи; это сходство коренится въ тѣхъ отдаленныхъ эпохахъ жизни соплеменныхъ народовъ, въ которыхъ составляли они еще одно нераздѣльное тѣло, жизнь и духовныя проявленія котораго были въ равной мѣрѣ близки каждому изъ единичныхъ членовъ его. Во второмъ случаѣ сходство отдѣльныхъ явленій правового быта является результатомъ случайнаго порожденія ихъ общими условіями жизни, а въ болѣе общихъ началахъ права—отголоскомъ дошедшимъ до насъ отъ донаціональнаго періода жизни народовъ, періода, въ которомъ юридическія отношенія и нормы ихъ опредѣляющія, представляясь въ самой грубой и неразвитой формѣ, весьма близко подходятъ къ чувству инстинкта, какъ мѣтко выразился проф. Капустинъ, и, непосредственно вытекаая изъ врожденныхъ челоѣку духовныхъ и матеріальныхъ требованій (первоначально крайне несложныхъ и почти общихъ для всѣхъ)—получаютъ вначалѣ и вполнѣ родственное развитіе въ отдѣльныхъ группахъ всего челоѣческаго рода.

Теперь, послѣ всего сказаннаго—не трудно усмотрѣть возможность двойнаго примѣненія сравнительнаго метода къ изученію исторіи права, именно, изученія исторіи права во всемірно-историческомъ развитіи его, не ограничиваясь опредѣленною группою соплеменныхъ народовъ, и изученіе исторіи права въ предѣлахъ лишь опредѣленной группы соплеменныхъ народовъ, наприм. изученіе исторіи права народовъ романскаго, германскаго или славянскаго племени.

Какъ по отношенію къ изученію исторіи права всякаго народа вообще, такъ и по отношенію къ изученію исторіи права русскаго народа, вполнѣ возможнымъ является при-

ложеііе обоихъ способовъ примѣненія сравнительнаго метода, т. е. во первыхъ, изученіе исторіи русскаго права въ связи съ исторіею права во всемірно-историческомъ развитіи его у всѣхъ народовъ вообще,—и во вторыхъ, изученіе его въ связи съ исторіею права народовъ соплеменныхъ съ русскимъ, т. е. въ связи съ исторіею права остальныхъ славянскихъ народовъ (¹).

Считая второй видъ примѣненія сравнительнаго метода къ изученію исторіи русскаго права,—т. е. изученіе послѣдняго въ связи съ исторіею права остальныхъ славянскихъ народовъ,—крайне настоятельнымъ, плодотворнымъ и преимущественно цѣлесообразнымъ при современномъ состояніи науки исторіи русскаго права, мы и избрали его предметомъ нашего очерка.

Возможность изученія древней исторіи русскаго права въ связи съ исторіею правъ остальныхъ славянскихъ народовъ возникла лишь въ самое недавнее время, во первыхъ уже потому, что сама наука исторіи русскаго права представляется наукою молодою, едва лишь вышедшею изъ младенчества, а во вторыхъ и потому, что лишь въ нѣскольکو послѣднихъ десятилѣтій явились научные дѣятели, энергически приступившіе къ изданію, обработкѣ и разработкѣ памятниковъ древнихъ славянскихъ законодательствъ.

Извѣстному польскому историку-юристу *В. Мацневскому* (*W. A. Maciejowski*) принадлежитъ честь перваго почина въ дѣлѣ систематической разработки исторіи славянскихъ законодательствъ, въ его обширномъ трудѣ: „*Historya prawodawstw Słowianskich*“ (Исторія славянскихъ законода-

(¹) Нельзя не отдать справедливости университетскому Уставу 1863 года въ томъ, что онъ вполне сознаетъ возможность двойственнаго приложенія сравнительнаго метода къ изученію исторіи права. Этотъ Уставъ ввелъ въ кругъ кафедръ юридическаго факультета двѣ самостоятельныя кафедры преподаванія сравнительной исторіи права, одну для преподаванія «исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ», другую для преподаванія «исторіи славянскихъ законодательствъ»; независимо отъ этихъ кафедръ учреждена особая кафедра для преподаванія исторіи русскаго права.

тельство), вышедшемъ въ свѣтъ первымъ изданіемъ (въ 4 томахъ) въ промежутокъ времени 1832—1835 гг. (1). Лишь по выходѣ въ свѣтъ этого замѣчательнаго по своему времени труда, является послѣдовательное и твердое сознаніе необходимости историко-сравнительнаго изученія древнихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для выясненія основъ общеславянскаго права, какъ права легшаго въ основу праваго быта всѣхъ народовъ славянскаго племени,—такъ и для освѣщенія надлежащимъ свѣтомъ въ весьма многихъ случаяхъ утратившихъ для насъ ясность юридическихъ институтовъ и отношеній древняго права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ. Матеріалы, сборники и изслѣдованія славянскихъ ученыхъ, трудившихся какъ на поприщѣ чистой исторіи права, такъ и на поприщѣ славянской исторіи и словесности—каковы труды Шафариковъ, В. Караджича, Рейца, Бандке, Обреновича, Воцеля, Палацкаго, Ригера, Челяковского, Эрбена, Губе, Миклошича, Кукулевича-Сакцинскаго и мн др., а въ новѣйшихъ Ирѣчка и Богинича—дали возможность научной разработки памятниковъ древне-славянскаго права, указали исторіи славянскихъ законодательствъ надлежащее мѣсто въ ряду историко-юридическихъ наукъ и ясно дали увидѣть, что права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ составляютъ лишь вѣтви одного корня, что права Русскихъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и другихъ славянскихъ народностей не стоятъ изолированными, но что всѣ они составляютъ отрасли одного общеславянскаго права, основы котораго также близки жизни каждаго изъ славянскихъ народовъ, какъ близки ей корни пачала всей системы славянскихъ нарѣчій. Цельзя сказать что-бы русскіе ученые и писатели не вложили посильной лепты своей на пользу разработки древне-славянскаго права, или въ качествѣ историковъ—юристовъ, или въ качествѣ издателей древне-славянскихъ памятниковъ, или-же наконецъ въ качествѣ филологовъ, этнографовъ, историковъ и бытописателей; трудовъ Ивашева, Бодянского, Веселина, Майкова, Макушева, Котляревскаго, Шпилевскаго, Леоптовича, Зигеля и др. не обойдетъ ни одинъ изъ изслѣдователей древне-славянскаго права.

(1) Второе исправленное и пополненное изданіе, въ 6 томахъ, вышло въ свѣтъ въ 1836—1835 гг. (Это изданіе и цитируется нами).

(спрашивается теперь, въ чемъ же заключается практическая польза изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіею правъ остальныхъ народностей славянскихъ, какія практическія цѣли преслѣдуетъ подобное направленіе въ изученіи нашей науки? Прежде всего, и главнымъ образомъ, возникаютъ изъ примѣненія подобнаго метода къ изученію исторіи русскаго права всѣ тѣ практическіе результаты, какіе вообще влечетъ за собою приложеніе сравнительнаго метода къ изученію историческихъ наукъ: расширеніе кругозора изслѣдователя, возможность обширной эмпирической критики фактовъ и правильнаго пониманія послѣднихъ,— пониманія свободнаго отъ чисто субъективныхъ, и верѣдко пристрастныхъ, тенденцій изслѣдователя. Не говоря уже объ этихъ общихъ выгодахъ примѣненія сравнительнаго метода,—изученіе исторіи древняго русскаго права въ связи съ исторіею обще-славянскаго права является въ особености потому не только цѣлесообразнымъ, но и положительно необходимымъ,—что оно, какъ это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняется, является *единственнымъ* надежнымъ путемъ къ объясненію многихъ институтовъ, отношеній и опредѣленій древнѣйшаго русскаго права, которые, вслѣдствіе недостаточности и отрывочности свидѣтельствъ объ нихъ въ источникахъ—являются камнемъ преткновенія для изслѣдователя и верѣдко толкуются и объясняются самымъ произвольнымъ образомъ. Масса подобныхъ отрывочныхъ, неясныхъ и затруднительныхъ для пониманія мѣстъ встрѣчается не только въ древнѣйшихъ памятникахъ юридическаго быта русскихъ славянъ,—каковы Договоры съ Греками и Русская Правда—но и во многихъ законодательныхъ памятникахъ XV—XVI вв.; да и современное намъ обычное право русскаго народа, во многихъ отношеніяхъ своихъ, врядъ-ли можетъ быть исторически изучаемо безъ познанія коренныхъ началъ обще-славянскаго права.

Покойный *профес. Иванишевъ* выставилъ въ 1840 г. на видъ еще одну пользу, произтекающую отъ изученія исторіи русскаго права въ системѣ исторіи обще-славянскаго права. Мысль высказанная въ этомъ случаѣ Иванишевымъ, не смотря на отдѣляющій ее отъ насъ тридцатипятилѣтній промежутокъ времени, до сихъ поръ не утратила еще своего значенія. „Законодательство каждаго отдѣльнаго народа, заявилъ Иванишевъ, какъ выраженіе народной мы-

сли, можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствомъ другихъ одноплеменныхъ народовъ. . . . Для древняго Россійскаго законодательства, продолжаетъ онъ, изслѣдованіе славянскихъ законодательствъ не только важно потому, что можетъ прояснить намъ древніе наши законодательные памятники, но и потому, что оно дастъ намъ возможность рѣшить вопросъ: считать ли намъ древніе памятники Россійскаго законодательства заимствованными у Германцевъ или чисто Славянскими? (1)“ Вся дѣятельность Иванишева, какъ историка-юриста, была въ сущности стремленіемъ къ разрѣшенію поставленнаго имъ вопроса, которое и привело его къ полному убѣжденію въ чистотѣ національнаго характера древняго законодательства нашего. Иванишеву нужно было обладать отличавшею его пытливостью научнаго взгляда, талантливостью и рѣдкою способностью обобщать представляющіеся факты, что-бы дойти до подобнаго убѣжденія въ ту эпоху когда, подъ свѣжимъ вліяніемъ юристовъ-историковъ нѣмецкой школы, господствовала въ русской наукѣ какая-то непонятная, повальная страсть отказывать во всякой національной самостоятельности какъ самому строю древне-русской государственной и общественной жизни, такъ и памятникамъ древняго законодательства нашего, объясняя опредѣленія ихъ заимствованиями отъ всевозможныхъ народностей, съ какими приходилось сталкиваться нашему народу на первыхъ порахъ жизни его,—а главнымъ образомъ, конечно, отъ нѣмцевъ. Это направленіе, стремившееся очевидно совершенно обезцвѣтить древне-русскій строй жизни, подводя его подъ рамки чужаго, несвойственнаго ему быта, находило себѣ послѣдователей, какъ не прискорбно въ томъ сознаваться, въ цѣломъ поколѣніи русскихъ историковъ. Крайне мѣтко и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко очерчиваетъ это анти-національное направленіе *К. Д. Кавелинъ* въ своей рецензій на сочиненіе Терещенко: „Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ, очевидныхъ парадоксовъ, замѣчаетъ онъ, положенныхъ въ основу русской археологій, заключается въ объясненіи нашихъ обыча-

(1) Н. Иванишевъ: О платѣ за убійство въ др. рус. и другихъ слав. законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ, 1840. См. вступленіе.

евъ чужими обычаями, нашихъ нравовъ—чужими правами. Не только русская археологія, даже русская исторія долго разрабатывалась по этой ложной мысли. . . . Замѣтитъ ли изслѣдователь какое нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ,—онъ смѣло и не обинуясь говоритъ что обычай этотъ заимствованъ отъ Евреевъ; съ греческими или римскими—отъ Грековъ и Римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ—отъ Персовъ, Индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпности, продолжаетъ Кавелинъ, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній обычай за тридцать земель изъ тридесятаго государства, все равно каково: была-бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія ⁽¹⁾“.

Мы смѣло можемъ сказать, что въ наши дни это рабски-подражательное направленіе русской историко-юридической науки потеряло всякое право гражданства, хотя плоды его и до сихъ поръ еще продолжаютъ отзываться въ весьма многихъ отношеніяхъ. Масса открытыхъ и научнымъ образомъ изданныхъ памятниковъ славянскихъ законодательствъ и нѣскольکو свѣтлыхъ умовъ изслѣдователей, горячо и съ любовью взявшихся за научную разработку ихъ въ связи съ изслѣдованіемъ памятниковъ древне-русскаго законодательства, дали возможность надѣяться что, раскрывающаяся съ каждымъ шагомъ впередъ по этому пути, связь древне-русскаго права съ исторіею обще-славянскаго права вскорѣ сдѣлается вполне сознаннымъ и выясненнымъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ наука исторіи русскаго права, стоящая и нынѣ уже на точкѣ поворота, твердо и успѣшно пойдетъ по новому направленію, окончательно страхнувъ съ себя долго связывавшую ея рутину и вѣтчину. Надо надѣяться что вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и самая неопредѣленность метода, произвольность направленій и крайній субъективизмъ—вносящіе въ эту юную науку тотъ разладъ и отсутствіе гармоническаго единства, которые такъ замѣтно отзываються въ ея литературѣ.

Что касается самой возможности изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіею правъ остальныхъ народовъ славянскаго племени—то она, какъ мы уже сказали,

(1) Кавелинъ: Сочиненія. IV. 43 стр.

всёцѣло основывается на сродствѣ правъ всѣхъ народовъ этого племени. Но само собою разумѣется, что дѣйствительность этого сродства лишь въ томъ случаѣ сдѣлается очевидною, если будетъ указано что права всѣхъ славянскихъ народовъ коренятся въ одномъ общемъ источникѣ и что они почерпали содержаніе свое *именно* изъ этого общаго источника.

Извѣстно что никакое человѣческое общество не можетъ обходиться безъ правовыхъ опредѣленій, которыми-бы регулировалась жизнь какъ самаго общества, такъ и отдѣльныхъ недѣлимыхъ его составляющихъ. Если мы на первоначальныхъ ступеняхъ развитія народной жизни и не встрѣчаемъ письменныхъ памятниковъ законодательства, то отсюда нельзя еще выводить заключенія, будто народъ этотъ жилъ первоначально внѣ всякихъ правовыхъ опредѣленій; это указываетъ лишь на то, что правовой бытъ этого народа регулировался нормами вѣписаннаго, обычнаго права. *Обычное право* и является *самою раннею по времени формою регламентации юридическихъ отношеній* всякаго молодого общества. Въ правовомъ обычаѣ юридическое сознаніе народа, отмѣчая извѣстныя юридическія отношенія, первоначально тѣ, конечно, которыя представляютъ для него наибольшее жизненное значеніе, наивысшую степень нравственнаго или экономическаго интереса,—стремится выразить ихъ въ извѣстной внѣшней опредѣленности, придать имъ извѣстнаго рода правильность и устойчивость, черезъ облеченіе въ постоянную, неизмѣнпую внѣшнюю форму. Таково происхожденіе обычая. Являясь непосредственнымъ произведеніемъ творческой силы народнаго духа, продуктомъ народнаго склада ума, воли и чувства, обычай не помнитъ своего начала, не помнитъ что-бы кто-либо установилъ его, подобно тому какъ и другой продуктъ духовной жизни народа—языкъ, не можетъ сказать что-бы кто либо изобрѣлъ его. Результатомъ сознанія общенароднаго, чисто національнаго характера обычнаго права является привязанность народа къ своимъ обычаямъ: народъ дорожитъ ими, ревностно оберегаетъ ихъ отъ возможности забвенія, считаетъ соблюденіе ихъ дѣломъ священнымъ, угоднымъ божественной волѣ и, обратно, всякое уклоненіе отъ обычаевъ, всякую попытку измѣнять ихъ—считаетъ дѣломъ преступнымъ, дѣломъ противнымъ божественной волѣ. Высоко цѣпя обычное пра-